

ДЖОАНН ХАРРИС

ДЖОАНН ХАРРИС
ПЕРСИКИ
ДЛЯ МЕСЬЕ КЮРЕ

Москва
2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
X 21

Joanne Harris

PEACHES FOR MONSIEUR LE CURÉ

Copyright © Frogspawn Limited 2012. All rights reserved

Перевод с английского *Ирины Тогоевой*

Художественное оформление серии «Белая птица»
Луизы Бакировой

Харрис, Джоанн.
X 21 Персики для месье кюре / Джоанн Харрис ; [перевод с английского И. Тогоевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 640 с.

ISBN 978-5-04-173217-2 (Белая птица)

ISBN 978-5-04-196797-0 (Pocket book)

Перед вами продолжение романов «Шоколад» и «Леденцовые туфельки». Вианн с двумя детьми возвращается из Парижа в Ланске, где не была восемь лет. Но вместо ожидаемого душевного покоя она встречается с тревожными переменами. Пользующийся доверием священник внезапно нажил себе врагов и был обвинен в поджоге. Школьная учительница вызывает пересуды о методах образования. А старая подруга рассказала, что у нее есть ребенок, однако продолжает скрывать, кто его отец.

Вианн не намерена сидеть сложа руки и готова пойти на все, чтобы раскрыть секреты не такого уж тихого городка.

Шарм и эксцентричность французской сельской жизни лежат в центре этого восхитительного романа.

Librray Journal

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-173217-2
(Белая птица)
ISBN 978-5-04-196797-0
(Pocket book)

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Моему отцу Бобу Шорту,
который никогда бы не позволил
ни одному фрукту пропасть зря*

НОВОЛУНИЕ

Глава первая

Одна женщина как-то сказала мне, что только во Франции каждый год четверть миллиона писем доставляют тем, кто уже умер.

Но вот о чем она даже не упомянула: иногда и нам приходят письма от мертвых.

Глава вторая

Четверг, 10 августа

Письмо принес ветер рамадана¹, хотя тогда я, конечно, этого еще не знала. В августе в Париже часто дуют ветры, и тогда кажется, что по пыльным улицам носятся маленькие дервиши², одетые в лохмотья; они скользят по тротуарам и что-то ищут, оставляя на щеках и ресницах прохожих колючие сверкающие песчинки; а солнце пялится

¹ Р а м а д а н, или р а м а з а н — девятый месяц мусульманского лунного года хиджры, тот самый, когда пророку Мухаммеду было ниспослано первое откровение. Весь этот месяц мусульмане соблюдают строгий пост (уразу) и могут есть и пить только после захода солнца. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Д е р в и ш — мусульманский нищенствующий монах (*перс.*).

на них с небес, точно белый подслеповатый глаз, и жара стоит такая, что люди начисто лишаются аппетита. В августе Париж почти вымирает; живы только туристы да несчастные вроде нас, которые не могут себе позволить даже в отпуск уехать; в августе от Сены исходит зловоние, и тени нигде не найти, и ты, кажется, готов на все, лишь бы вырваться из раскаленного города и побродить босиком по полю или посидеть в тенистом лесу.

Ру все это, конечно, хорошо понимает. Он вообще для городской жизни не создан. А Розетт, когда ей скучно, начинает творить всякие пакости; я же упорно делаю из шоколада всякие сласти, которые некому покупать. Анук целыми днями пропадает в интернет-кафе на улице Мира, болтая с друзьями в «Фейсбуке», или поднимается на Монмартрское кладбище и наблюдает за бездомными котами, что скользят и прячутся среди каменных домов мертвых, и солнечный свет, падая, как лезвие гильотины, узенькой полоской разрубает густую тень между соседними гробницами.

Анук пятнадцать. Куда уходит время? Так же, потихоньку, испаряются из флакона духи, как бы плотно ты ни закрывала его пробкой; а однажды ты возьмешь флакон в руки и увидишь, что на дне осталась лишь капелька душистой жидкости, хотя тебе казалось, что ее там еще много...

Как тебе живется, моя маленькая Анук? Что происходит в твоём, неведомом мне, маленьком мире? Счастлива ли ты? Или душа твоя не знает покоя? А может, ты всем довольна? Сколько еще дней осталось у нас с тобой до той поры, когда ты навсег-

да покинешь мою орбиту и, стремительно улетев в космические дали, точно сорвавшийся с поводка спутник-бродяга, исчезнешь среди звезд?

Подобная череда мыслей посещает меня отнюдь не впервые. Страх следует за мной как тень еще с тех пор, как родилась Анук, но нынешним летом мой вечный страх стал как-то особенно силен, расцвел на этой жаре, словно некий чудовищный цветок. Возможно, это связано с воспоминаниями о моих матерях — о моей первой, покойной матери и второй, настоящей, которую я обрела всего четыре года назад. А может, всему виной Зози де л'Альба¹, похитительница сердец, чуть не лишившая меня всего, что у меня есть? Она так ярко продемонстрировала, сколь хрупка наша жизнь, как легко разрушить твой тщательно выстроенный карточный домик — для этого хватит даже малейшего вздоха ветра.

Пятнадцать. *Пятнадцать*. В ее возрасте я уже успела вдоволь постранствовать по свету. И знала, что моя мать скоро умрет. И слово «дом» означало для меня тогда всего лишь место, где мы в этот раз остановились на ночлег. И у меня еще никогда не было настоящего друга. А любовь... любовь моя в то время была похожа на светильники, что зажигают по вечерам на террасах кафе; я воспринимала ее как источник мимолетного тепла, как нежное прикосновение, как чье-то лицо, которое едва успела разглядеть при свете горящего костра.

Анук, надеюсь, будет иной. Она уже и сейчас очень красива, но пока что об этом не подозрева-

¹ Одна из главных героинь романа Дж. Харрис «Леденцовые туфельки» (М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2009).

ет. Но однажды она влюбится — и что тогда будет с нами? Но пока, уговариваю я себя, время еще есть. Пока в жизни Анук есть только один друг — Жан-Лу Рембо; обычно они неразлучны, но в этом месяце ему пришлось лечь в больницу. Жану-Лу предстояла очередная операция, у него тяжелый врожденный порок сердца; Анук никогда об этом не говорит, и я прекрасно понимаю ее страх, ибо он подобен моему собственному. Этот страх — точно темная тень; он подкрадывается к тебе и шепчет, шепчет: ничто не вечно!

О Ланскне Анук до сих пор порой вспоминает. Хотя в Париже она, в общем, вполне счастлива, но он кажется ей скорее долгой остановкой на пути, что ею еще не пройден, чем домом, в который она всегда будет возвращаться. Разумеется, наш плавающий дом — дом не совсем настоящий; ему не хватает убедительности каменной кладки, скрепленной известковым раствором. Вот Анук и вспоминает — в самом что ни на есть розовом свете, с забавной ностальгией, свойственной в основном маленьким детям, — маленькую *chocolaterie*¹ напротив церкви, полосатые маркизы над окнами и ею самой нарисованную вывеску. И взгляд у нее такой тоскующий, когда она говорит со мной об оставленных в Ланскне друзьях, о Жанно Дру и Люке Клермоне, и о том, что там по улицам даже ночью никто ходить не боится, а двери в домах никогда не запирают...²

¹ Шоколадная лавка (*фр.*).

² Подробнее об этом — в романе Дж. Харрис «Шоколад» (М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007).

Понимаю, мне не следовало бы особо тревожиться. Характер у моей маленькой Анук, конечно, скрытный, но в отличие от большинства своих приятелей она по-прежнему с удовольствием общается с матерью, то есть со мной. И все у нас с ней пока что хорошо. А бывают и совсем чудесные дни, когда мы остаемся только вдвоем и, забравшись в кровать вместе с Пантуфлем — его я воспринимаю краешком глаза, как некое расплывчатое пятно, — устраиваемся перед экраном портативного телевизора; на экране мелькают загадочные тени и образы, за окнами уже темно, а Розетт и Ру сидят на палубе и, точно рыбу, ловят звезды в безмолвной Сене.

Ру прямо-таки пристрастился к роли отца. Я, честно говоря, такого никак не ожидала. Но Розетт — ей сейчас восемь, и она точная его копия — сумела, похоже, вытянуть из его души нечто такое, о чем ни Анук, ни я и знать-то не могли. На самом деле мне порой кажется, что Розетт куда сильнее связана с Ру, чем с кем бы то ни было еще; что она *принадлежит* ему. У них есть собственный тайный язык — комбинация диких воплей, улюлюканья и свиста, — с помощью которого они могут общаться часами и которого никто больше не понимает, даже я.

С другой стороны, моя маленькая Розетт по-прежнему почти ни с кем не разговаривает, предпочитая объясняться с помощью языка жестов, который освоила еще совсем маленькой, и пользуется этим языком весьма умело, проявляя прямо-таки завидную изобретательность. Еще ей нравится рисовать и заниматься математикой; например,

судoku с последней страницы газеты «Монд» она может решить за несколько минут; она также умеет складывать в уме целые столбцы больших чисел, ей даже не нужно их записывать. Однажды мы попытались отдать ее в школу, но из этого, разумеется, ничего не вышло. Здешние школы слишком велики, и ученики в них настолько лишены персонального внимания, что подобная обстановка совершенно не подходит такому *особенному* ребенку, как Розетт. Так что теперь ее учит Ру, и хотя их «расписание уроков» может кому-то показаться несколько необычным — основной упор Ру делает на занятия искусством и различные игры с числами, а также учит ее различать птиц по голосам, — она, похоже, бесконечно этому рада. Друзей у Розетт, разумеется, никаких нет, если не считать Бама, и я порой замечаю, с какой странной тоской она наблюдает за детьми, идущими мимо нас в школу. Но в целом Париж относится к нам неплохо — при всем своем равнодушии и отсутствии внимания к конкретной персоне; и все же бывают такие дни, как, например, сегодняшний, когда я, подобно Анук и Розетт, вдруг обнаруживаю, что мечтаю о чем-то большем. Большем, чем это суденышко на реке, от которой исходит зловоние; большем, чем этот равнодушный город, похожий на раскаленный котел с затхлым воздухом; большем, чем этот лес церковных башен и шпилей; большем, чем наш крохотный камбуз, где я готовлю шоколад на продажу...

Мечты о чем-то большем. Ох, какие обманчивые слова! Слово «больше» — точно пожиратель жизни, точно воплощение неудовлетворенности,

точно та самая соломинка, что сломала спину верблюду, требуя... а чего, собственно, требуя?

Я очень счастлива в своей нынешней жизни. Счастлива с мужчиной, которого люблю. А еще у меня есть две чудесные дочери и любимое занятие, для которого я и родилась на свет. Доходов это занятие, правда, особых не приносит, но все же помогает нам платить за стоянку на Сене, да и Ру берется за любую работу, связанную со строительством или плотницким делом, так что в целом мы четверо вполне держимся на плаву. И по-прежнему рядом все мои друзья с Монмартра: Алиса, Нико, мадам Люзерон, хозяин маленького кафе Лоран, художники Жан-Луи и Пополь. Сейчас со мною рядом даже моя родная мать, которую, как мне казалось раньше, я потеряла столько лет назад...

Казалось бы, чего мне еще хотеть?

Все началось несколько дней назад, когда я у нас на камбузе возилась с трюфелями. В такую жару только трюфели можно делать более или менее без опаски; любые другие шоколадные конфеты рискуют вскоре испортиться — либо от хранения в холодильнике, либо от этой несносной жары, которая до всего добирается. Для приготовления трюфелей нужно слегка нагреть шоколадную глазурь на плите, затем переместить ее в чуть теплую духовку, добавить специи, ваниль и кардамон и дожидаться момента, когда простое кухонное действие превратится в акт домашней магии.

Чего еще могла бы я пожелать в такой момент? Ну, может быть, только легкого ветерка; самого легкого, как нежное прикосновение, как поцелуй в ямку на шее под затылком, где мои волосы, зако-

лотые в неопрятный узел, уже начали на проклятой жаре попахивать потом...

Самого легкого ветерка... А что? Разве в таком желании есть что-то дурное?

И я призвала его, этот ветерок, — едва заметный, теплый, игривый ветерок, который гоняется за облачками в небе, словно котенок.

V'la l'bon vent, v'la l'joli vent,
V'la l'bon vent, ma mie m'appelle...¹

Правда-правда, я вызвала совсем маленький ветерок; просто легкое дыхание и легкое свечение в воздухе, подобное чьей-то улыбке; и этот вздох ветра принес с собой отдаленный аромат цветочной пыльцы, специй, пряников. На самом деле мне всего лишь хотелось, чтобы этот ветерок немного причесал облака в летнем небе, принес в наш тесный уголок ароматы иных мест...

V'la l'bon vent, v'la l'joli vent...

И повсюду на Левом берегу сразу, точно бабочки, запорхали в воздухе фантики и обертки от сладостей; но игривый ветерок не унимался и задрал юбку какой-то женщине, шедшей через Сену по мосту Искусств, — оказалось, это мусульманка, лицо ее было закрыто черным покрывалом, *никабом*, теперь в Париже очень много мусульманок в *никабах*, — и на мгновение мне вдруг показалось, что из-под ее покрывала блеснуло нечто неясное, и сразу же над нею в раскаленном воздухе возникла дро-

¹ Вот снова дует добрый ветер, веселый ветер,
Вот снова дует добрый ветер, мой друг меня зовет... (фр.)

Джоанн Харрис

жащая дымка, а тени от деревьев, потревоженных дыханием ветра, вдруг превратились на пыльной воде в какие-то дикие абстрактные письмена...

V'la l'bon vent, v'la l'joli vent...

Мусульманка, шедшая по мосту, на мгновение остановилась и посмотрела на меня. Лица ее под *никабом* разглядеть, разумеется, было невозможно — я видела только глаза, сильно подведенные сурьмой. Но она смотрела на меня так внимательно, что я вдруг подумала: а что, если мы с ней знакомы? На всякий случай я подняла руку и поманила этой женщине. Нас разделяла неторопливо текущая Сена и становившийся все сильнее аромат шоколада, который доносился из открытого окошка нашей маленькой кухоньки.

Попробуй. Испытай на вкус. На мгновение мне показалось, что эта женщина сейчас тоже махнет мне рукой, но она лишь опустила темные глаза и, отвернувшись, двинулась дальше по мосту — безликая, вся в черном — навстречу ветру, принесенному рамаданом.

Глава третья

Пятница, 13 августа

Нечасто доводится получать письма от мертвых. Письмо было из Ланскне-су-Танн; и не просто письмо, а *письмо в письме*. Его нам прислали, разумеется, до востребования (ведь в плавучие дома почту не доставляют), и принес его Ру; он заглянул на почту, когда, как обычно, ходил за хлебом.

— Да самое обыкновенное письмо, — сказал он мне и пожал плечами. — И совсем не обязательно, чтобы это что-нибудь такое значило.

Но тот ветер дул уже и весь минувший день, и всю ночь, а мы такому ветру никогда не доверяли. К тому же сегодня он еще и стал порывистым, то и дело менял направление и разрисовывал поверхность молчаливой Сены мелкой рябью, похожей на запятые. Розетт, точно игривый котенок, упражнялась в прыжках на набережной у самой воды, играя с Бамом. Бам — это невидимый друг Розетт; впрочем, невидимый он отнюдь не всегда. Мы, во всяком случае, видим его довольно часто. Даже наши покупатели порой его видят, особенно в такие дни, как этот; и Бам тогда лукаво посматривает на них с моста или свисает с ближайшего дерева, уцепившись хвостом за ветку. Розетт, разумеется, видит его *постоянно* — но, с другой стороны, и сама Розетт не такая, как все.

— Самое обыкновенное письмо, — снова сказал Ру. — Просто вскрый конверт и прочти.

Я доделывала последние трюфели и собиралась уже разложить их по коробкам. Шоколад вообще сохранить непросто, нужна правильная температура, а уж на нашем-то суденышке, где так мало места, лучше готовить что-нибудь самое простое. Например, трюфели. Во-первых, делать их очень легко, а во-вторых, порошок какао, в котором их обваливают, предохраняет шоколад от таяния. Коробки с готовыми трюфелями я храню под кухонным столом; туда же я убираю подносы со «старыми ржавыми железками» — гаечными ключа-

Джоанн Харрис

ми, отвертками, гайками и болтами; глядя на них, можно поклясться, что они настоящие, хотя на самом деле сделаны из шоколада.

— Да мы уж восемь лет как оттуда уехали, — сказала я, катая трюфель на ладошке. — И, между прочим, от кого оно, это письмо? Почерк я что-то не узнаю.

И тогда Ру сам вскрыл конверт. Он всегда поступает так, как проще всего. И всегда действует сразу; всяческие размышления он, в общем-то, считает излишними.

— Письмо от Люка Клермона.

— От маленького Люка?

Я вспомнила неуклюжего подростка, который страшно стеснялся своего заикания. Господи, вдруг подумала я, да ведь теперь-то Люк, должно быть, совсем взрослый! Ру развернул листок и стал читать вслух:

Дорогие Вианн и Анук!

Как много времени уже прошло! Надеюсь все же, что это письмо до вас дойдет. Как вы знаете, когда умерла моя бабушка, она оставила мне все — и свой дом, и все свои деньги, и некий запечатанный конверт, который я не должен был вскрывать, пока мне не исполнится двадцать один год. День рождения у меня был в апреле, тогда я и вскрыл этот конверт, а внутри оказалось письмо, адресованное вам.

Ру вдруг умолк. Я повернулась к нему и увидела, что он держит в руках простой белый конверт, немного помятый, словно отмеченный морщина-

ми прожитых лет и многочисленными прикосновениями живых рук к мертвой бумаге. На этом конверте темно-синими чернилами было написано мое имя. Да, рукой Арманды — ее пораженной мучительным артритом, но властной рукой — было старательно выведено мое имя...

— Арманда... — только и сумела вымолвить я.

Ах, мой дорогой старый друг! Как это странно — и как печально — спустя столько лет получить от тебя весточку! Вскрыть запечатанный тобою конверт, сломать поставленную тобой печать, от времени ставшую совсем хрупкой. Краешек этого конверта ты, должно быть, облизала, прежде чем запечатать, как облизывала ложечку, вынув ее из чашки с моим сладким крепким шоколадом, — сладострастно, жадно, как ребенок. Ты всегда видела значительно дальше, чем я, — и меня тоже заставляла смотреть дальше, нравилось мне это или нет. И сейчас я совсем не была уверена, хочется ли мне, готова ли я узнать, что там, в этой весточке из мира мертвых, но ты-то хорошо знала: я, так или иначе, ее прочту.

Дорогая Вианн! (Так начиналось письмо, и я прямо-таки услышала голос Арманды: сухой, как порошок какао, и такой же нежный.)

Я помню, как в Ланскне впервые провели телефон. У-у-у! Какое смятение это вызвало! Каждому хотелось испытать новый аппарат. Епископа, которому, собственно, телефон и поставили, буквально по уши засыпали всевозможными подарками и подношениями — лишь бы позволил позвонить.

Джоанн Харрис

Ну, если людям казалось, что телефон — это настоящее чудо, то можешь себе представить, что бы они подумали об этом письме. И обо мне, которая ведет с тобой переписку из мира мертвых. Да, кстати, если тебе это интересно, то шоколад в раю действительно есть. Передай месье кюре, что тебе об этом сообщила именно я. Заодно и проверишь, научился ли он понимать шутки.

Я перестала читать и на минутку присела на одну из табуреток.

— Все нормально? — с тревогой спросил Ру.

Я молча кивнула. И снова углубилась в письмо:

Восемь лет. За восемь лет многое может случиться, верно? Маленькие девочки начинают взрослеть. Времена года успевают много раз сменить друг друга. Люди уезжают, приезжают, переезжают из дома в дом. Мой внук уже совершеннолетний — двадцать один год! Хороший возраст, это я еще помню. А ты, Вианн, — ты тоже уехала из Ланскне? Думаю, да. Ты не была готова остаться. Но это вовсе не означает, что когда-нибудь ты там не останешься, — запри кошку в доме, и единственное, к чему она будет стремиться, это вновь оказаться на улице. Но если ее оставить на улице, она будет мяукать под дверью до тех пор, пока ее не впустят в дом. Люди, в общем, ведут себя примерно так же. Ты сама это поймешь, если когда-нибудь туда вернешься. Но с какой стати туда возвращаться? Я будто слышу, как ты это

спрашиваешь. Нет, я не утверждаю, что способна заглянуть в будущее. Во всяком случае, если я что-то там и вижу, то весьма смутно. Но ты однажды здорово встряхнула Ланскне, хотя и не все тогда восприняли это положительно. И все же, как известно, времена меняются. Мне, во всяком случае, ясно одно: раньше или позже, а в Ланскне ты вновь понадобишься. Однако я никак не могу рассчитывать на то, что наш упрямый кюре сообщит тебе, когда это случится. Так что уважь меня в последний раз: съезди в Ланскне. И детей с собой возьми. И Ру — если, конечно, он с тобой. Положишь цветочки на могилу одной старой дамы. Только не из магазина Нарсиса, а настоящие, полевые. Поздороваешься с моим внуком. Выпьешь чашку шоколада.

Да, и еще одно, Вианн. Там, под стеной моего дома, раньше росло персиковое дерево. Если вы приедете летом, то персики наверняка уже созреют, и их нужно будет собрать. Раздай их детям и своим угости. Мне даже думать противно, что все эти персики попросту склюют птицы. И помни, Вианн: все возвращается. Река под конец все приносит назад.

Люблю тебя всем сердцем, как и прежде.

Твоя Арманда

Я еще довольно долго молчала, тупо глядя на зажатый в руке листок; в ушах у меня все еще звучало эхо голоса Арманды. Господи, сколько раз мне слышался этот голос во сне или на грани сна! Голос Арманды и ее суховатый старческий смех

Джоанн Харрис

всегда звучали так отчетливо, что мне казалось, будто я чувствую и ее запах — запах лаванды, шоколада и старых книг, — и от этого ощущения в воздухе словно позолота поблескивала. Говорят, никто не умирает насовсем, пока его хоть кто-нибудь помнит. Возможно, именно поэтому Арманда по-прежнему так явственно присутствовала в моих мыслях, в моей душе — со своими темными, блестящими, как черная смородина, глазами, со своим дерзким нравом, со своими алыми нижними юбками, которые она надевала под черные траурные платья. Именно поэтому я бы никогда не смогла ей отказать, даже если б хотела; даже если и пообещала себе, что никогда больше в Ланскне не вернусь, хотя этот городок мы с Анук полюбили больше всех прочих и нам уже почти удалось остаться там навсегда, но тот ветер все же заставил нас уйти, и мы ушли, половину своей души оставив в Ланскне...

И вот теперь снова подул этот ветер. Он подул откуда-то из-за могилы Арманды и принес с собой чудесный аромат персиков...

И детей с собой возьми.

А почему бы и нет?

Назовем это каникулами, подумала я. Хоть какая-то причина уехать из душного города. Пусть Розетт немного поиграет на свободе, а Анук повидается со старыми друзьями. И потом, я *действительно* соскучилась по Ланскне; по его мрачноватым серо-коричневым домам; по его извилистым узким улочкам, которые, словно спотыкаясь, сбегают к берегам Танн; по узким полоскам полей